
Цикады в этом году надрывались особенно неистово.

Цзян Чу дремал, откинувшись на спинку кресла. Он скрестил руки на груди, закинул ноги на стол, а лицо прикрыл журналом.

Это был его привычный обеденный ритуал: обычно стоило принять такую позу, как он тут же проваливался в сон на полчаса. Но сегодня не задалось. Непонятно, заснул он в итоге или нет, но бесконечный треск с улицы упорно прорывался в сознание.

Шум только нарастал, напоминая тарахтенье барахлящего трактора. Навязчивое «цзы-цзы» в ушах уже отчетливо преобразалось в его собственное имя: «Чу-эр... Чу-эр...».

—... Чу-эр, твою мать, Цзян Чу!

Да Бэнь позвал его несколько раз и, потеряв терпение, оттолкнулся ногами от пола. Подкатившись на офисном кресле, он с глухим стуком опустил на стол свой термос:

— Ты тут уснул или помер?

Цзян Чу, застрявший в полудреме, от этого внезапного звука чуть не подавился воздухом. Кое-как разомкнув веки, он пару секунд приходил в себя, затем смахнул журнал с лица и нахмурился, пытаясь сфокусировать взгляд на круглой физиономии друга:

— Что стряслось?

— У тебя телефон уже пять минут разрывается, не слышишь, что ли? — Да Бэнь щелкнул пальцами у него перед носом. — Очнись, дружище! Ты чем вчера ночью занимался, что тебя так размазало?

— Отвали, — Цзян Чу потер затекшую шею и сел прямо. Мышцы неприятно ломило.

Он потянулся за мобильным, который от вибрации уже сполз на самый край стола. На экране светилось имя отца — Цзян Ляньтяня. До этого было еще три пропущенных от него же. Но стоило Цзян Чу коснуться сенсора, как вызов снова сбросился.

Не став перезванивать, он отложил телефон, придвинул к себе термос Да Бэня и открыл крышку:

— Горячая вода с лимоном? Ты в своем уме в такую жару?

— Там на дне еще два красных финика плавают, для тонуса. Так кто это там такой настойчивый? — Да Бэнь снова покатылся на кресле к стеллажу с образцами. — Кстати, где та книга с цветовыми схемами, которую мы в прошлый раз смотрели? И что на обед закажем?

— Все там, сам поищи, — Цзян Чу завинтил крышку термоса обратно, взял свою кружку и поднялся. — На обед закажи то же, что и вчера. А звонил отец.

Их разговоры с Да Бэнем всегда строились в такой манере: один сыпал вопросами невпопад, другой отвечал на все сразу по цепочке. Сторонняя беседа напоминала партию в шашки — порой даже девушка Да Бэня не могла уловить нить их мыслей.

— А отцу-то что надо? Тебе свинину с ароматом рыбы заказывать? — донесся из глубины офиса крик Да Бэня.

— Без разницы, — отозвался Цзян Чу.

Гадать, зачем объявился Цзян Ляньтянь, он не собирался — попросту лень. Да и вообще, в их отношениях с отцом действовало негласное правило: если тот внезапно проявлял теплоту и активность, жди хлопот.

В позапрошлый раз, когда отец обрывал ему телефон с таким же упорством, выяснилось, что ему нужна помощь в организации свадьбы с Цинь Шумань.

Цзян Чу тогда даже рассмеялся от изумления и напомнил: «Вообще-то моя мама еще жива». На что Цзян Ляньтянь тут же парировал: «Твой отец, если ты не заметил, тоже пока на тот свет не торопится! Если твоя мать решит выйти замуж и ты устроишь ей торжество, я слова против не скажу. Ты чего это родителей делить вздумал?»

А в прошлый раз отец объявился, чтобы попросить сына разработать логотип для салона красоты Цинь Шумань. При этом он особо подчеркнул: «Мы вообще-то уже нашли другого дизайнера, но твоя тетушка Цинь настояла, чтобы заказ отдали тебе. Зачем платить чужакам, когда есть свои? Так что сделай все на уровне».

Цзян Чу пропустил эти излияния мимо ушей, но от денег отказываться не стал — заказ принял, а саму работу перекинул стажерке Тан Цай, чтобы та набивала руку.

Налив себе воды у кулера, он выпил ее залпом, а затем похлопал по карманам в поисках сигарет — нужно было выйти во внутренний дворик, чтобы окончательно прийти в себя.

Тан Цай сидела за своим столом с совершенно несчастным видом. Заметив его, она жалобно, едва не плача, позвала:

— Чу-гэ...

— Что случилось? — Цзян Чу остановился и мельком взглянул на ее монитор.

— Я больше не могу возиться с дизайном этих банок для чая! — всхлипнула Тан Цай, и по ее щекам покатились слезы. Она зло утерла лицо рукавом. — Мы переделывали макет двенадцать раз! Сейчас они прислали очередные правки. Я с ума сойду. Вычитай из моей зарплаты, но я умываю руки!

— Я-то думал, стряслось чего, а ты тут драму устроила, — улыбнулся Цзян Чу. — Ладно, забудь, я сам закончу. Да Бэнь как раз обед заказывает, скажи ему, пусть добавит тебе чай с молоком.

— Спасибо, Чу-гэ! — Тан Цай мгновенно просияла, забавно шмыгнув носом.

Стоило Цзян Чу вернуться в кабинет, как Да Бэнь ловко бросил ему телефон:

— Опять твой старик ломится.

Это действительно снова был Цзян Ляньтянь.

Цзян Чу поймал трубку на лету, развернулся обратно к выходу и нажал на прием:

— Ну что еще?

— Родной отец уже и позвонить сыну просто так не может? — раздался в трубке довольный смешок.

— Если ничего срочного, я вешаю трубку. Работы по горло, — ответил Цзян Чу, прикуривая сигарету.

— Погоди ты, — Цзян Ляньтянь на секунду отвлекся, буркнув что-то кому-то рядом, после чего вернулся к разговору: — Вечно ты занятого из себя строишь в своей конторке. Забыл, на чьи деньги ты ее открыл?

— Ближе к делу, — Цзян Чу уже начинал раздражать надрывный стрекот цикад во дворе.

— Да тут такое дело... — Цзян Ляньтянь наконец соизволил перейти к сути. — Минут через тридцать съезди на вокзал, нужно встретить кое-кого.

— Кого? — Цзян Чу заглянул в комнату, чтобы проверить время на часах.

— Сына твоей тетушки Цинь, — замялся отец. — Ну, того, который от ее первого брака.

Цзян Чу порой искренне поражался способности отца свято верить в формулу: «Раз мы поженились, значит, все мы теперь одна дружная семья».

— Сын от ее бывшего мужа, — медленно повторил Цзян Чу. — Ладно, не буду спрашивать, каким боком он тебе сдался. Но я-то тут при чем?

На том конце провода слышались шаги — видимо, Цзян Ляньтянь отошел подальше от жены, потому что его тон сразу стал проще и доверительнее:

— Понимаю, что ты тут ни при чем. Был бы у меня выбор, разве я стал бы тебя дергать? Мы с твоей тетушкой Цинь сейчас за городом, возвращаемся назад, но ехать еще минимум час. А у пацана отец два месяца назад умер. Не оставлять же его одного на перроне, когда он придет.

Умер?

Цзян Чу мыском туфли откинул мелкий камешек и со вздохом спросил:

— Ладно. Встречу и везу к вам домой?

— Тут видишь какое дело... твоя тетушка Цинь пока морально не готова, — Цзян Ляньтянь замялся, подбирая слова. — Давай я лучше забронирую столик в ресторане, мы приедем прямо туда. Забери его и вези на место, подождете нас.

— Родной матери нужна подготовка, чтобы встретиться с собственным сыном? — стоило Цзян Чу войти обратно в прохладу офиса, как Да Бэнь засыпал его вопросами. Он явно грел уши во время разговора. — Бывший муж скончался пару месяцев назад... Похоже, этого паренька тут не особо ждут.

— Без понятия, — Цзян Чу не стал расспрашивать отца, да и лезть в чужие семейные дела желания не имел.

Он быстро прикинул время, наскоро закончил текущие дела и раздал указания Да Бэню. Закончив, он подхватил со стола ключи от машины.

— Обед привезли! Может, поешь сначала? — крикнул ему вдогонку Да Бэнь.

Какой тут обед.

— Сам съешь, — бросил Цзян Чу.

Едва он переступил порог, как лицо обдало таким нестерпимым жаром, словно его сейчас расплавит. Не оборачиваясь, он лишь махнул рукой на прощание.

Дорога от его студии до вокзала занимала около двадцати минут. При условии, что обойдется без пробок.

Цзян Чу специально уточнил у отца, куда именно прибывает поезд: на старый железнодорожный вокзал или на станцию скоростных составов. Он смутно помнил, из какого маленького уезда родом Цинь Шумань. На скоростном поезде оттуда ехать часов пять, а обычным — в два раза дольше. Цзян Ляньтянь скинул ему номер поезда. Проверив его по базе, Цзян Чу убедился: действительно обычный пассажирский поезд, выехавший еще в одиннадцать часов вчерашнего вечера.

— Скинь мне его номер, — наговорил он отцу голосовое сообщение.

Похоже, парень сорвался с места, даже не предупредив мать. Иначе она вряд ли заставила бы его трястись всю ночь в душном общем вагоне.

Он уже почти подъехал к вокзалу, когда от Цзян Ляньтяня наконец пришел ответ. Но вместо заветных цифр телефона высветилась фотография.

Цзян Чу открыл файл и на мгновение лишился дара речи. С экрана на него смотрел ребенок лет восьми, не больше. Худой мальчишка с колючим взглядом упрямо уставился в объектив. Видимо, фотографироваться он жутко не любил: губы плотно сжаты, во всем облике сквозит диковатое недовольство. Настоящий волчонок.

Такие дети, когда вырастают, становятся либо забитыми ботаниками, либо отпетыми хулиганами.

Пока Цзян Чу размышлял, как ребенка в таком возрасте вообще одного пустили в поезд, прилетело новое голосовое сообщение от отца:

— Он вчера звонил твоей тетушке Цинь со стационарного телефона, так что мобильного у нас нет. Под рукой нашлась только эта старая фотография, ориентируйся по ней. Сколько ему сейчас... А, точно, без пяти минут семнадцать.

Цзян Чу невольно усмехнулся. Он бросил телефон на пассажирское сиденье, и мессенджер автоматически воспроизвел следующее аудиосообщение:

— Его зовут Цинь Цзуй. Пишется как фамилия твоей тетушки Цинь и иероглиф «лучший».

Цзян Чу припарковал машину и направился к выходу с платформ. Как раз в этот момент из динамиков вокзала объявили о прибытии нужного поезда.

Первоначальный план казался безупречным: высматривать одиноких парней лет шестнадцати-семнадцати с дорожными чемоданами, которые растерянно озираются по сторонам в поисках встречающих. Кто-то из них наверняка окажется Цинь Цзуюм.

Но стоило первым пассажирам хлынуть из дверей терминала, как Цзян Чу понял, насколько он переоценил свои силы. Народу была просто тьма.

Подростков среди прибывших хватало, но все они спешили по своим делам. Когда Цзян Чу наконец поймал взгляд одного из парней, тот, даже не дожидаясь вопросов, раздраженно замахал руками: «Жилье не нужно, такси уже вызвал!» — и поспешно засеменил вдоль стены, словно спасаясь от навязчивого зазывалы.

Простояв так минут двадцать, Цзян Чу начал закипать.

Его отец — истинный гений. Отправил встречать человека без контактного номера, которого Цзян Чу никогда в жизни не видел, снабдив лишь детской карточкой десятилетней давности да именем. И ведь что самое глупое — Цзян Чу действительно послушался и приехал. Притом сам Цинь Цзуй, скорее всего, даже не подозревал, что его кто-то ждет.

Августовское полуденное солнце немилосердно слепило глаза. Цзян Чу оперся на металлические ограждения у выхода, раздраженно вертя в руках мобильник. Он решил дать этой аванюре еще ровно пять минут. Если встретит — отлично. Если нет — он умывает руки и возвращается в офис.

Пять минут истекли. Он уже собирался развернуться, как вдруг прямо перед ним остановились запыленные дешевые шлепанцы-вьетнамки.

Цзян Чу скользнул взглядом снизу вверх. Сначала шли красные спортивные штаны с двумя белыми полосками по бокам, затем — копеечная футболка с кривоватым логотипом «Ададас». На плече висел плотно набитый баул, лямка которого врезалась в плечо, свившись тугим жгутом. Наконец, он наткнулся на колючий, холодный взгляд черных глаз. В растрепанных волосах парня запуталась сухая травинка.

Подросток, решив, видимо, что загораживает проход, на секунду задержал на нем взгляд, поправил лямку сумки и уже наострилсь обойти его стороной.

— Цинь Цзуй? — внезапно сорвалось с губ Цзян Чу. Какое-то шестое чувство подсказывало, что это именно тот, кто ему нужен.

Парень не бросился наутек, как предыдущий прохожий, а медленно повернул голову.

Точно он.

Цзян Чу мысленно перевел дух. Возраст совпадал. Рассматривая пришельца, он невольно вскинул брови. «Ну и вид... Словно бродячий пес, честное слово».

Этот самый «пес» настороженно сощурился и выдавил глухое, лишенное всяких эмоций слово:

— Да.

— Я твой... брат, — Цзян Чу смерил его взглядом и кивнул. — Пошли. Твоя мать и мой отец ждут нас в ресторане.

Отойдя на пару шагов, Цзян Чу обернулся и понял, что парень даже не двинулся с места. Цинь Цзуй все так же стоял у ограждения, хмуро изучая его лицо с таким видом, словно в любой момент готов был вытащить телефон и набрать полицию.

«Ну и морока», — чертыхнулся про себя Цзян Чу.

— Осторожный какой, — Цзян Чу, уставший от жары, раздраженно хмыкнул и шагнул обратно к парню. — Твою мать зовут Цинь Шумань. Моего отца — Цзян Ляньтяня. Они поженились. Твой отец умер два месяца назад, а ты вчера перед посадкой в поезд позвонил матери. Около часа назад мой отец набрал меня и попросил забрать тебя с вокзала. А вот это — твое детское фото.

Выдав эту тираду на одном дыхании, он сунул экран телефона прямо под нос подростку.

— Теперь можем идти? — Цзян Чу пристально посмотрел на него.

Цинь Цзуй мельком глянул на снимок, прищурил темные глаза, затем снова перевел взгляд на Цзян Чу — все тот же диковатый, настороженный взор. Однако больше вопросов задавать не стал. Он лишь крепче перехватил лямку своего баула и молча зашагал следом.

Цзян Чу скользнул взглядом по его спине. На черной дешевой футболке Цинь Цзуй, прямо между лопатками, проступили белесые соленые разводы от пота.